

Н. В. ГЕППЕНЕР

Отрывок пергаменного молитвенника кирилловского письма конца XIII в.

(Из находок в старых переплетах)

Немало ценных пергаменных рукописей извлечено из переплетов старинных рукописей и книг: листы древних пергаменных рукописей очень часто употреблялись в XVI—XVIII вв. в качестве обложек книг, использовались как материал для переплета.

Менее известный, несколько необычный источник интересных находок — под корешком старых переплетов. Если в деревянных досках, служивших крышками для старших переплетов, можно было прорезать глубокие щели для закрепления толстых ремешков или жгутов корешка, то с переходом к тонкому картону переплетчик охотно стал употреблять для этой цели плоские и вместе с тем прочные полоски пергамена. Новый пергамен уже мало выделялся, да и был слишком дорог. А валявшиеся в пыли листки старых кодексов не были в то время редкостью. Вероятно еще тысячи таких полосок, скрытых в толще переплетов XVI—XVIII столетий, ждут своих исследователей.

В актовой книге Владимир-Волынского земского суда, охватывающей период от 11 июля до 2 ноября 1612 г.,¹ найдены четыре полоски пергамена, прикрепленные к картонным доскам переплета наклеенными сверху лоскутками бумаги — отрывками черновых актовых записей, украинской (с элементами старшей, так называемой «литовской») скорописи первой половины XVII в., близких по типу письма к самой актовой книге. После удаления, путем промывки в холодной воде, густых наслоений грязи и мучного клея, покрывавших полоски, оказалось, что они представляют разрезанную на четыре последовательных отрезка верхнюю часть, примерно половину или несколько более одного листка в 4-ку (11,5 × 14,5 см) из уставной кирилловской рукописи молитвенника (см. рисунок). Эти полоски пергамена хранятся сейчас в коллекции отрывков пергаменных рукописей Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки УССР в Киеве.

Насколько можно судить при теперешнем поврежденном состоянии отрывка, пергамен его (сейчас побуревший) «твердой» выделки (как в большинстве византийских и восточнославянских рукописей), довольно грубый, на лицевой стороне лощеный, на оборотной слегка шероховатый, вероятно, позднего местного восточнославянского производства.

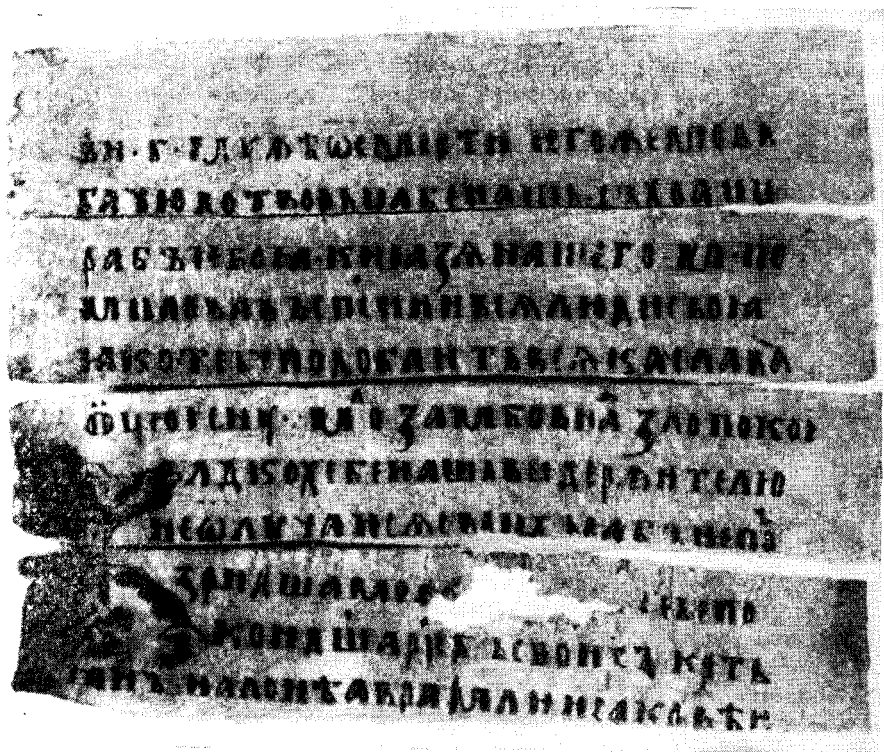
Между двумя вертикальными линиями, отграничивающими поля, острым орудием глубоко вдавлены горизонтальные линейки (на расстоянии 0,9 см

---

¹ Ныне хранится в Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве (Отдел древних актов, № 1193).

друг от друга), на которых размещены 11 строк текста. Писан текст желто-бурыми, сильно выцветшими чернилами; три начальные буквы (в трех словах заголовка новой молитвы) на строке 6 лицевой стороны и начальная буква текста на стр. 11 об., а также части инициала «В» между строками 7—10 лицевой стороны выполнены насыщенной и яркой темно-красной киноварью, сравнительно мало пострадавшей от времени.

Несмотря на тщательную линовку и старательную работу писца, сравнительно некрупное (высота строк текста колеблется в пределах между 0,3 и

Пергаменный отрывок конца XIII в., лицевая сторона (Гос. публичная библиотека УССР в Киеве, Отдел рукописей, коллекция отрывков пергаменных рукописей).

0,4 см) уставное письмо рукописи производит общее впечатление неровного и некрасивого, впечатление, типичное для переходных восточнославянских почерков XIII в. и отчасти начала XIV в. Помимо колебаний в высоте букв это зависит от неровного положения букв в строке, слегка склоняющихся то вправо, то влево, как бы танцующих; от произвольного чередования широких и приземистых начертаний («М», «Ш», «А», и др.) с узкими, вытянутыми в высоту («Є», «О», и др), причем заметны значительные колебания в пределах начертаний одной и той же буквы; от подобной же произвольности и неравномерности в чередовании нажимов (временами явно гипертрофированных) с волосными линиями; наконец, от асимметричности и непропорциональности частей в начертаниях отдельных букв.

Помимо искривленных мачт и горизонтальных линий, непропорционально развитых неровных нижних частей в отдельных написаниях букв

«В», «Ѣ», «Б», («б», наоборот, с непропорционально малой нижней петелькой) и подобных нарушений пропорций, последнее явление особенно заметно отражается в написаниях «Ѧ», «Н», «N», отчасти Ѧ, «Ю» и др. Так, Ѧ на лицевой стороне листа — с косой соединительной чертой между частями буквы, лежащей значительно выше середины ее и выше язычка Є (последний в свою очередь расположен выше середины Є); на оборотной стороне листа — прямая соединительная черта, сливающаяся с язычком, но опять-таки выше середины буквы. При довольно значительных колебаниях в отдельных начертаниях «Н» (= и) и «N» (= и) обе буквы чаще имеют перемычку значительно выше середины вертикальных линий; перемычка «Н» большей частью вполне горизонтальна, но в отдельных случаях слегка скошена вниз, к правой вертикальной линии; напротив, перемычка «N», как правило, скошенная вниз вправо, в отдельных случаях почти горизонтальна, и, таким образом, отдельные варианты этих двух букв графически неотличимы (в значительно меньшей степени подобные переходные формы, как и поднятые перемычки этих двух букв, заметны на оборотной стороне листа).² То же явление — поднятие перемычек вверх, скошенность их (чаще вправо вниз) — заметно в начертаниях Ѧ и Ю, только диапазон колебаний, в частности отклонений от симметричной формы, тут значительно меньше, в особенности на оборотной стороне листа. Характерны для позднейшей эпохи в развитии восточнославянского устава также асимметричная форма «Ж» со значительно (но неодинаково) редуцированной верхней частью; непомерно утолщенный, неправильной формы хвостик з иногда далеко откинутый вправо, иногда (оборот листа) почти без изгиба свисающий вниз (в противоположность крайне тонким и укороченным хвостам «Р» и «У»); очень малая, расщепообразная, к тому же явно асимметричная чаша у Ү (хотя нет оснований выводить эту асимметрию из постороннего источника — второго югославянского влияния); симметричная глубокая чаша Ү на обороте листа носит явные следы искусственности в своих утолщениях.

Указанные отличия в начертании ряда букв дают некоторое основание предполагать наличие двух писцов — может быть, старика, придерживающегося в большей степени старых традиций, на обороте листа, и другого, более подчиняющегося новым графическим влияниям, на лицевой стороне. Такие заметные отличия в графике двух одновременно работающих писцов, а также неустойчивость в начертаниях букв у каждого из них в отдельности, намекающий переход от старых к новым формам отдельных букв — все это позволяет с уверенностью отнести наш отрывок к переходному периоду — ко второй половине XIII в., в крайнем случае к началу XIV в.

Если сами по себе неравномерность и вытекающая отсюда некрасивость письма могут быть объяснены упадком школ книгописания в период общего сокращения и понижения уровня письменности, то, с другой стороны, ряд явлений указывает уже на известное возрождение, искание новых каллиграфических приемов и начертаний, соответствующих новым вкусам эпохи. Эти новые приемы, получившие полное выражение в искусственном литургическом уставе богослужебных восточнославянских рукописей второй половины XIV в., заключаются в более или менее последовательном и устойчивом чередовании широких и приземистых начертаний с узкими, вытянутыми вверх, в таком же чередовании гипертрофированных нажимов (главным образом по вертикальным, отчасти по горизонтальным линиям) с волосными (преимущественно косыми) линиями. Эта своеобразная симметризованная

² Отметим еще упрощенную форму «Н» (┌) в конце, а один раз и в середине строки

асимметрия, типичная для искусственных, уже отживающих поздних систем уставного письма, в нашей рукописи еще только намечается в виде неустойчивого чередования узких и широких форм, нажимов и волосных линий. Что подобные явления здесь не случайность, а действительное отражение намечающихся новых вкусов, показывают заглавные буквы нашей рукописи. Именно в последних, наряду с длительным сохранением отголосков архаичных начертаний (ср. довольно правильную форму инициала «В»), имеем, вследствие постепенно развивающейся склонности к их орнаментальному оформлению, чувствительный показатель новых каллиграфических вкусов. Действительно, «О» с его подчеркнутыми путем обведения одних только контуров утолщенными боковыми вертикальными частями, «М» также с утолщением строго вертикальных боковых частей и спускающейся под строку полукруглой средней частью, отчасти З с утолщенным хвостом — все эти формы, несколько отличающиеся от обычных строчных в той же рукописи, стоят еще ближе к обычным начертаниям позднейшего, литургического устава.

Подтверждением принятой нами датировки отрывка, а вместе с тем решающим доказательством его восточнославянского происхождения (ясного, впрочем, уже из самой системы графики) является орфография рукописи. Достаточно указать на исключительно употребляемые «еры» с «ером» (ЪІ), употребление «У» (без «О») после согласных, в то время как в начале слов находим старое написание «ОУ» (один раз Ѹ); употребление Іа (йотированного «А») в начале слов и после гласных, в то время как после согласных встречаем А — юс малый (но: княза, замбовнаА); частый пропуск глухих «Ъ» и «Ь» или изредка замена их гласными «О» и «Е».

Также типична для переходного периода от старого византийского к новому, господствующему в XIV в. тератологическому орнаменту, орнаментация единственного инициала «В» в нашей рукописи: окрашенные кинovarью растительные элементы правой части инициала скорее напоминают мелкий растительный орнамент скромных инициалов византийского стиля, в то время как белые, переплетающиеся на красном поле ремни левой части, заканчивающиеся вверху подобием головы чудовища с выходящими из пасти листьями, — уже явно принадлежат к простейшим формам «чудовищного» орнамента. Самую упрощенность последнего, как и бедность красок (отсутствии типичных для позднейшей тератологии желтой, синей или зеленой краски) нужно, вероятно, отнести не только за счет скромной орнаментации данной рукописи, но также за счет ее сравнительно раннего происхождения — из переходного периода неполного господства нового орнамента.

Предложенная далее частичная транслитерация текста должна рассматриваться только как предварительный опыт; это относится как к расшифровке отдельных полустертых или сильно поврежденных букв и слов (отмечены квадратными скобками и вопросительными знаками), так, понятно, и к предложенному нами делению на слова слитного текста рукописи. Рассматривая данную транслитерацию только как дополнение к приложенным фотоснимкам, мы не вводим в нее современной пунктуации и употребления заглавных букв, сохраняя по возможности пунктуацию самой рукописи.

Лицевая сторона:

- 1 ви . і . мужк . ѿ смерти его же моль
- 2 ба чудотворьца бѣ нашъ . съхрани
- 3 рабѣ свои . князѣ нашего . [н] ѿ . по
- 4 миловавъ спси ни всѣ люди свои .
- 5 яко тебѣ подобаетъ всака слава .

- 6 Оцю и сну . . . . . Мѡ замбовнѣ. за покои . . .
 7 Владко хс ѣе нашъ всѣдржителю
 8 не блгуаиса своихъ рабъ не пр
 9 зри дша мо[и ?] . . . . . със по
                   [м]
 10 кои дша рабъ своихъ кртъ
 11 мнѣ. на лонѣ Аврамѣ Исаковѣ и
 . . . . .

Оборотная сторона:

- 1 ны живѣи . . . . . [а? б? р?] ю бѣри.
 2 ѣгда хош[с ?]ши ѣко же [люб ?]иши
 3 раздрѣши [вѣ]си ѣи [ѣ] оу[р?]ъ гр[к?]хо
 4 вѣмѣхъ . . . ѣ . т . . . . . [ч ?]того
 5 тѣла твоего [и . . . . . бр ?]ѣи кровс . и
                   с л
 6 здѣиѣи на ра . створи ны при
 7 частникѣ стѣх твоихъ оугоди
 8 вшихъ теб[к ?] [ѣ] вѣкл. ѣко ты вла
 9 дѣ[к?]иши . . . . . и] и мѣртвѣи
 10 ѣко тебс подобѣтъ всѣка слав .
 11 . . . . . а дсть [?] . . го . . . квѣрно вѣ м . .
 . . . . .

Насколько можно судить по предложенному выше несовершенному чтению нашего незначительного отрывка и по самому формату рукописи, перед нами молитвенник или требник, возникший, вероятно, в каком-то самостоятельном удельном княжестве («князя нашего»), быть может, как раз в первый, особенно остро ощущавшийся период татарского владычества (ср. выражение «душам рабъ своихъ кр[е]стьянъ», как бы противопоставляющее первых «неверным»; подтвердить это предположение может, конечно, только сравнение с другими родственными текстами). Подобное приурочение текста подтверждается, как показано выше, также палеографическими данными, позволяющими отнести рукопись скорее всего ко второй половине XIII столетия. Если мы сопоставим эти данные с внешними обстоятельствами находки отрывка в старом, вероятно, местного производства переплете Владимир-Волынской актовй книги, невольно возникает вопрос, не стоит ли наша рукопись в какой-либо связи с той оживленной книжной деятельностью, какую отмечает летопись на Волыни во времена княжения Владимира Васильковича. Что книжные богатства, собранные путем переписки и покупки³ самим князем или его окружением, могли частично сохраниться на месте в течение следующих столетий, — это в какой-то мере подтверждает пергаменный список «Слов» Ефрема Сирина (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), вероятно переписанный в конце XV в. (1492 г.), отчасти вместе с после-

³ Между прочим, та же Волынская летопись упоминает о покупке им молитвенника за 8 гривен кун.

словием, с оригинала, писанного в XIII в. по заказу «тивуна» князя Владимира Васильковича — Петра.⁴ Самое архаическое письмо этой копии — устав,⁵ в конце XV столетия, как правило, давно замененный новым югославянским полууставом, может быть, лишней раз подтверждает стойкость старых, еще домонгольских книгописных традиций на Волини. Наличие здесь старых книжных фондов и традиций также в последующем XVI столетии косвенно подтверждается, например, хотя бы завещанием В. Загоровского (1577 г.), предполагающим содержание дьяка при церкви специально для обучения детей (конечно, славянской грамоте), или такими крупными предприятиями, как обработка текста (не без участия старых источников) для Пересопницкого Евангелия, Острожской Библии и т. п. Старые местные традиции переплетаются здесь с новыми, реформационными влияниями; последние ведут, в частности, к возникновению в конце XVI столетия новых, гуманистического типа школ во Владимире, Турове и других городах. Наконец, усиление католической реакции или известный общий упадок местных культурных традиций мог привести к тому, что не только «схизматические» кирилловские, но и латинские рукописи попадают в XVII столетии в качестве ненужной макулатуры в руки переплетчика.

Конечно, в какой-то мере подтвердить высказанные здесь предположения может только детальный анализ языка и текста отрывков, а в первую очередь привлечение нового материала, сходных по типу письма пергаменных полосок, которые так и остались не извлеченными и не обследованными в однотипных переплетах более ранних книг Владимирского земского суда, например № 930 за 1596 г., № 931 за 1598—1599 гг., а также в книге Владимирского гродского суда № 922 за 1595 г., наконец, в поздней книге № 1072 за 1696 г.

Может быть, этот материал позволил бы отчасти раскрыть пути перехода и степень сохранения в украинской литературе XV—XVII вв. старых традиций Киевской Руси, роль которых в последующем развитии, несмотря на катастрофу татарского нашествия, несомненно значительно шире, чем это до сих пор допускалось.

---

⁴ А И Соболевский. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб, 1908, стр. 33 — Правда, существует и другое мнение: будто данная рукопись — оригинал времен Владимира Васильковича (см.: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография Л, 1928, стр. 47).

⁵ А И Соболевский. Славяно-русская палеография, стр. 49